
Сказочный дискурс как объект исследования

САЙЁРА ИСРАИЛОВА ТАШПУЛОТОВНА,

УЗБЕКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ

**НАУЧНЫЙ СОИСКАТЕЛЬ КАФЕДРЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

Annotation

The article discusses fairy-tale discourse. A fairy tale is the most illustrative and, therefore, the most studied genre of folklore, so the most important, key characteristics of fairy-tale discourse go back to folklore discourse. About the format of fairy tales and folklore. Both in the part and whole format, and in the format of the evolution of the phenomenon (the mythological origin of folklore can be traced in the fairy-tale forms formed in the folklore discourse and derived from the primary, ancient genres of folk art).

Key words: fairy-tale discourse, folklore, phenomenon, the mythological origin of folklore

Аннотация

В статье обсуждаются сказочный дискурс. Его происхождения и природа данного понятия. А сказка является самым иллюстративным и, следовательно, наиболее изученным жанром фольклора, поэтому наиболее важные, ключевые характеристики сказочного дискурса восходят к фольклорному дискурсу. О формате сказки и фольклора. Как в формате часть и целое, так и в формате эволюции феномена (мифологическое начало фольклора прослеживается в сказочных формах, образовавшихся в фольклорном дискурсе и произошедших от первичных, древних жанров народного творчества).

Ключевые слова: сказочный дискурс, фольклор, феномена, мифологическое начало фольклора

Аннотация

Maqolada sehrli ertak diskursi, uning kelib chiqishi vatabiatihaqida bo'lib bunda ertak eng illyustrativ va folklorning eng ko'p o'rganilgan janridir. Ertak va folklor orasidagi bog'liqlik hamda ertak va folklor formati haqida so'z yuritiladi. Ham bir shaklda, ham butun, ham fenomenning evolyutsiyasi shaklida ya'ni folklorning mifologik boshlanishi, folklor so'zlashuvida shakllangan va xalq ijodining asosiy, qadimiy janrlaridan kelib chiqqan sehrli shakllarida kuzatilishi mumkin) bog'liqligi haqida.

Калит сўзлар: sehrli ertak diskursi, fenomen, folklorning mifologik boshlanishi

При рассмотрении сказочного дискурса как частного случая многоаспектного феномена дискурса необходимо обратиться к пониманию происхождения и природы данного понятия. Сказка является самым иллюстративным и, следовательно, наиболее изученным жанром фольклора, поэтому наиболее важные, ключевые характеристики сказочного дискурса восходят к фольклорному дискурсу. Сказка и фольклор связаны как в формате часть и целое (план содержания и выражения сказки по характеристикам отвечают типичным критериям, приписываемым фольклорным жанрам), так и в формате эволюции феномена (мифологическое начало фольклора прослеживается в сказочных формах, образовавшихся в фольклорном дискурсе и произошедших от первичных, древних жанров народного творчества). В связи с этим представляется необходимым для данного исследования определиться с генезисом и общими характеристиками сказочного, и, следовательно, фольклорного дискурса.

На любой стадии работы с фольклором вопрос феноменологического состава самого понятия «фольклор» стоит на первом месте. Принимая во внимание вариативность интерпретаций и смыслов, укладывающихся в данную категорию, многие ученые-фольклористы предпринимали попытки нивелировать эти расхождения и установить определенные правила для конкретного исследования. Так, общеизвестна попытка редакторов сборника Standard Dictionary of Folklore, Mythology, and Legend уйти от унификации понятия: всем авторам-составителям было предложено подать свои собственные определения фольклора, отвечающие

концепту их статей, которые и были опубликованы вместо одной дефиниции, претендующей на универсальное объяснение ключевого понятия в предисловии (Leach, Fried 1984). В ходе предпринятого в рамках данного обзора исследования было установлено, что само понятие «фольклор» предложил английский ученый У. Томс. Вместо понятия “popular antiquities” (широко известные реалии древности). В это слово У. Томс вкладывал сумму народных культурных элементов от баллад и пословиц до обычаев, суеверий и поведения, и использовал его в первый раз в письме в 1846 году (цит. По: Emrich 1946). Показательно, что само понятие в научных кругах Европы осталось примерно в тех же рамках, в которых оно было сформулировано автором. Так, Г. Брунванд следующим образом отзывается о развитии понятия: «...налет античности и возможность расширить список исследуемых областей, присутствующие в понимании фольклора У. Томсом, не изменились, тогда как само слово приобрело несколько дополнительных коннотаций... Новое понимание фольклора должно исключить ассоциации с сельской местностью и далеким прошлым и распространиться на словесность обычаи городской, технологически продвинутой современности» (Brunvand 1996, 594).

Несмотря на это следует отметить, что, став центральным понятием для фольклористов разных стран, фольклор в принципе не мог остаться в фиксированных феноменологических рамках. Как совокупность всей народной культуры фольклор однозначно воспринимается в большинстве европейских стран, например, в Германии и Франции. Прецедент рассмотрения фольклора как словесности появился в английской фольклористике, что, соответственно, привело к таким же мотивам, хоть и в значительно меньшей степени, в американской науке о фольклоре.

Сообщество фольклористов Америки продолжало английскую научную традицию, но, следуя за идеями крупных фольклористов У. Ньюэлла и Ф. Боаса в большинстве своем концентрировалось на той ее части, в которой фольклор представлялся не только словесностью: «Фольклор – это не просто еще одна форма антропологии или литературная дисциплина... Он давно переступил границу изучения только литературных форм; со своими корнями антропологии, фольклор

содержит элементы психологии и социологии. Во многом это целостностное исследование культуры – изобразительных и театральных искусств, скульптуры, архитектуры, музыки, литературы, лингвистики, истории» (Sims, Stephens 2011, 3).

В этом плане значимую научную идею выдвинул А. Дандес: «...это дихотомия, пагубное влияние которой, к сожалению, разделяет ученых, работающих над идентичными проблемами. Основная методология изучения фольклора и культуры практически одинакова; другими словами, фольклор располагает своей методологией, применяемой к литературной и культурной проблематике» (Dundes 2007, 70).

Значимое место в мировой науке о фольклоре занимает Советская фольклористика и ее преемница – российская наука о фольклоре, которая является масштабной и как в блоке исследований, так и в объеме эмпирического материала. Отечественные исследования в этой области фокусируются на совокупности текстов, включая художественные (сказки, былины) и чисто бытовые (заговоры, ритуальные и сакральные тексты).

Безусловно, ориентируясь на фольклор как словесность, советские ученые все же принимали во внимание теснейшую связь фольклорных текстов и культурных реалий. Так, один из самых ярких представителей и основателей данного научного течения, В.Я. Пропп, подчеркивал, что «фольклор – это всегда трансформация – сложная, многоступенчатая – какого-либо аспекта действительности. Для ранних этапов фольклорного творчества решающую роль играли этнографические связи» (Пропп 1976, 9).

Промежуточной точкой зрения, объединяющей трактовки фольклора как текстовой и затекстовой действительности, является антропологический подход в фольклорном исследовании, который комбинирует оба подхода в целостности дискурсивного анализа фольклорных текстов. Американский исследователь Р. Дорсон формулирует это в своем обзоре фольклористических подходов: «Антропологи настаивают на функциональной роли устного литературного творчества в культурах-объектах их исследований» (Dorson 1963, 110).

Вышеобозначенный конфликт количественных и качественных характеристик соотношения словесности и народной культуры полностью снимается также понятием фольклорного дискурса, который определяется посредством основных методов интерпретации текстов, включающих в себя совокупность анализа художественных приемов, языковых способов выражения действительности, а также анализа текста (мотивов произведения) с целью реконструкции обрядов, символики, типового поведения, стиля жизни представителей конкретного этноса.

Кроме того, значительным научным событием, находящимся на стыке литературного и этнографического анализа фольклорных текстов, в очередной раз доказывающим неделимость культурного пласта и необходимость исследования его компонентов в дискурсивном ключе, является теория народных идей, или «folk ideas». Данная теория была предложена в рамках американской фольклористики А. Дандесом, который, проецируя ее на любой этнос, писал: «Под “народными идеями” я подразумеваю традиционные для группы людей понятия о природе человека, мире, о человеческой жизни в этом мире. Народные идеи не образуют фольклорные жанры, а, скорее, будут выражаться в большом количестве различных жанров» (Dundes 1971, 94).

Не вызывает сомнения, что все рабочие дефиниции и точки зрения фольклористов и этнографов, включая приведенные выше, остаются актуальными каждая в своем контексте. Поставленный же вопрос находит свой ответ в изучении фольклорного дискурса как совокупности лингвистических и экстралингвистических (в том числе когнитивных и прагматических) обстоятельств фольклорных текстов. Однако анализ отечественных и зарубежных публикаций показывает, что, несмотря на очевидную актуальность обсуждаемой темы, в науке почти нет исследований, посвященных изучению именно фольклорного дискурса.

Существует несколько работ, посвященных лингвокультурологическим особенностям сказочного дискурса; однако сказочный символизм, архетипизмимпликации, уходящие корнями в древний фольклор и мифологические представления, находящие отражение в модели мышления народа и, соответственно, в языке, исследованы детально не были. Такое исследование предполагает сплошную выборку значимых в дискурсе единиц, анализ функционирования таких

единиц в тексте и утверждение соответствия их коннотативных, денотативных и (или) прагматических составляющих национальной специфике картины мира.

Проблема происхождения сказочного дискурса как жанрового ответвления дискурса фольклорного по-разному трактуется исследователями, принадлежащими к разным школам. Существует три варианта решения данного вопроса: сказка появилась раньше мифа, сказка появилась позже мифа и развилась из него, сказка и миф существовали параллельно. Существует ещё и компромиссное решение: Е.И. Алещенко утверждает, что мифологические черты встречаются в сказке, однако не следует все объяснять мифологическим происхождением напрямую, ибо изменения, которые претерпел миф, не могут сводиться лишь к простой смене персонажей при сохранении прочих сюжетных черт неизменными (Алещенко 2008).

Развитие сказки из мифа, или отпочкование сказки от мифа последовательно обосновано В.Я. Проппом и Е.М. Мелетинским. Широкую освещенность получила значимая в этом плане заочная дискуссия между В.Я. Проппом и К. Леви-Строссом, в которой последний обосновывал тот факт, что сказка сама по себе является мифом (Levi-Stauss 1983). Мы присоединимся к точке зрения отечественных исследователей и сделаем вывод, что выделение сказки из сакральной субстанции мифов происходило там, где миф терял свою религиозную сущность. Таким образом, миф и сказка отличаются не по своей форме, а по своей социальной функции (Пропп 1986). Рассматривая грань между мифом и сказкой, Е.М. Мелетинский показывает, какие признаки характерны только для мифа, какие исследователи приписывают исключительно сказке. Он выделяет самые коренные, специфические, необходимые черты для различения мифа и сказки, минимальный набор различительных признаков и его возможные варианты. Признаки представлены парами в оппозиции: ритуальность мифа-неритуальность сказки, сакральность мифа – несакральность сказки, достоверность мифа – недостоверность сказки (также абсолютная достоверность – достоверность относительная, допускающая выдумку), этнографически конкретный тип фантазии – условно-поэтический тип. Кроме того, о переходе от мифа к сказке свидетельствуют некоторые различия в содержании текстов, например, характеристика героя (мифический – немифический), время действия (сказочное, внеисторическое или

мифическое – доисторическое), объект изображения (его коллективность – космичность или индивидуальность) (Мелетинский 2000).

Как следует из изложенного, бытие сказочного дискурса в момент его образования целиком определимо его ритуально-магической, сакральной и тесно связанной с ней коммуникативной функциями; именно эти функции, а не эстетические, дают ему право на воспроизведение. Подчеркнем, что это справедливо для фольклора и ранних сказочных образований. В ряде лингвистических исследований мы сталкиваемся с выводом, что в этих ранних сказочных текстах эстетический критерий, если он и существует, никак не проявляется и, вероятно, не осознается. В процессе же развития и становления сказочного дискурса его функциональное положение постепенно меняется, осуществляется переход к фикциональной традиции сказки. Такова точка зрения Е.М. Мелетинского и работавших с ним исследователей: «Сказительское или певческое мастерство постепенно становится предметом некоторой рефлексии; подлежат обсуждению поэтические красоты текста; возникнув на почве ритуальности, повторы со временем начинают восприниматься как украшающий прием» (Мелетинский, Неклюдов, Новик 1994, 102). Стоит также подчеркнуть, что сказочный дискурс даже после длительной эволюции фольклорных жанров не потерял прагматический характер, идущий от мифологических истоков жанра.

При рассмотрении сказочного дискурса необходимо определить основные факторы его развития. Мы разделяем сложившиеся в лингвистике мнение о том, что эволюция сказочного дискурса проходила под влиянием двух процессов, взаимодействие которых определило его природу и обусловило то, что сказка в принципе, независимо от места и времени её создания, имеет общие черты одновременно с национальными, локальными особенностями. Оба процесса существенны в момент исполнения сказки, действуя как единое целое. С одной стороны, это следование народно-поэтическим традициям, с другой – отступление от них и импровизация, обусловленная обстоятельствами и определенными целями. Развивая понятие импровизации сказки, П.Г. Богатырев указывает на тесную связь импровизации и традиции, называя их диалектическим единством, а также на строго контролируемые традицией рамки импровизации; кроме того, исследователь

поясняет, что изменение текста или других элементов дискурса происходит со стороны сказителя как на бессознательной, так и на осознанной основе (Богатырев 1971). Среди целей сознательной импровизации В.М. Жирмунский называет стремление заинтересовать слушателей, учитывая их склонности и особенности, вызвать у них живой интерес именно тем, что им близко. Другая цель – авторизировать текст, сотворить его часть самостоятельно, внося в него личностные черты, собственное видение мира. В результате в сказке реализуется авторская позиция, его мировоззрение, его точка зрения на то, о чем он сообщает (Жирмунский 1979). Со временем эти два процесса приводят к более частотному введению в сказочный текст аксиологических высказываний, фольклорных афоризмов, паремий, рифмовок, фразеологических единиц. В качестве средств выразительности в сказку вводятся риторические вопросы, слова и выражения, усиливающие прагматический компонент сказочного дискурса.

Обращаясь к генезису конкретно британского сказочного дискурса, являющегося объектом данного исследования, мы присоединяемся к мнению современных лингвистов, которые видят основной источник как кельтской (шотландской, валлийской и ирландской), так и английской сказки в кельтской фольклорно-мифологической традиции. Так, И.Ю. Мауткина утверждает, что, изучая происхождение и развитие британской сказки, текст которой является непосредственным результатом практики сказочного дискурса, необходимо обратиться «к кельтской мифологии и фольклору (в частности к ирландским сагам, повествующим о приходе на острова племени богини Дану (Tuatha De Danann) как к исходному материалу, позволяющему выделить первичные национальные черты зарождающейся сказочной традиции Великобритании, развившиеся впоследствии в полноценный жанр» (Мауткина 2006, 23).

Итак, сказочный дискурс возводится к первичному фольклорному дискурсу, и до этого – к мифу; историческое и творческое развитие этой сферы картины мира народа идет по пути импровизации в рамках следования народным традициям, что постепенно лишает сказку ритуального и сакрального характера. При этом сказочный дискурс остается в высшей степени прагматическим, так как взаимодействие участников дискурса (сказителя и слушателя, читателя) поддерживается как

происхождением сказки, так и новообразованиями и развитием языковой традиции. При этом сказочный дискурс приобретает новые функции, а именно когнитивную и эстетическую.

Список использованной литературы

1. Адоньева, С.Б. Прагматика фольклора: частушка, заговор, причет: Белозерская традиция XX века. [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09 / Адоньева Светлана Борисовна. – СПб: СПбГУ, 2004а. – 317с.
2. Акименко, Н.А. Семиотическое пространство сказочного дискурса [Текст] / Н.А. Акименко // Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации. Лингводидактические аспекты МК: Материалы научной сессии факультета лингвистики и межкультурной коммуникации ВолГУ (22–28 апреля 2002 года). – Волгоград: Изд-во «Волгоград», 2003. – С. 12–21.
3. Алещенко, Е.И. Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора (на материале народной сказки) [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Алещенко Елена Ивановна. – Волгоград: Волгоградский государственный педагогический университет», 2008. – 22 с.
4. Астафурова, Т.Н., Акименко, Н.А. Англосаксонский сказочный дискурс [Текст] / Т.Н. Астафурова, Н.А. Акименко // Дискурс-Пи.– 2016. – Вып. 2 (13). – С. 102-104.
5. Дандес, А. Фольклор: Семиотика и/или психоанализ [Текст] / А.Дандес. – М.: Восточная литература, 2003. – 279 с.
6. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. [Текст] / Т.А. ван Дейк. – Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308с.
7. Дейк, Т.А. ван. К определению дискурса [Электронный ресурс] Т.А. Ван Дейк. URL: <http://www.nsu.ru/psych/internet/bits/vandijk2.html>.

-
8. Карасик, В.И. О категориях дискурса [Текст] / В.И. Карасик // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: Сб. науч. тр. / ВГПУ; СГУ. – Волгоград: Перемена, 1998. – С. 185-197.
9. Карасик, В.И. О типах дискурса [Текст] / В.И. Карасик Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5-19.
- 37 (328). Сер. Филология. Искусствоведение. – 2013. – Вып.– С. 153-155.
10. Мелетинский, Е.М. Миф и сказка [Текст] / Е.М. Мелетинский // Избранные статьи. Воспоминания. – М.: Наука, 1970. – С. 284-296.
11. Пропп, В.Я. Фольклор и действительность. [Текст] / В.Я. Пропп. -М.: Наука, 1976. – 324 с.
12. Пропп, В.Я. Морфология волшебной сказки [Текст] / В.Я. Пропп. –М.: Лабиринт, 2001. – 144 с.
13. Dundes, A. Folk ideas as units of worldview [Текст] / A. Dundes // The Journal of folklore, Vol. 84, №331. – Berkley: The University of California Press, 1971. – PP. 93-103.
14. Mann, W., Matthiessen, Ch., Thompson, S.A. Rhetorical structure theory and text analysis [Текст] / W. Mann, Ch. Matthiessen, S.A. Thompson // Discourse Description. – Amsterdam: Benjamins, 1992. – PP. 39-78.